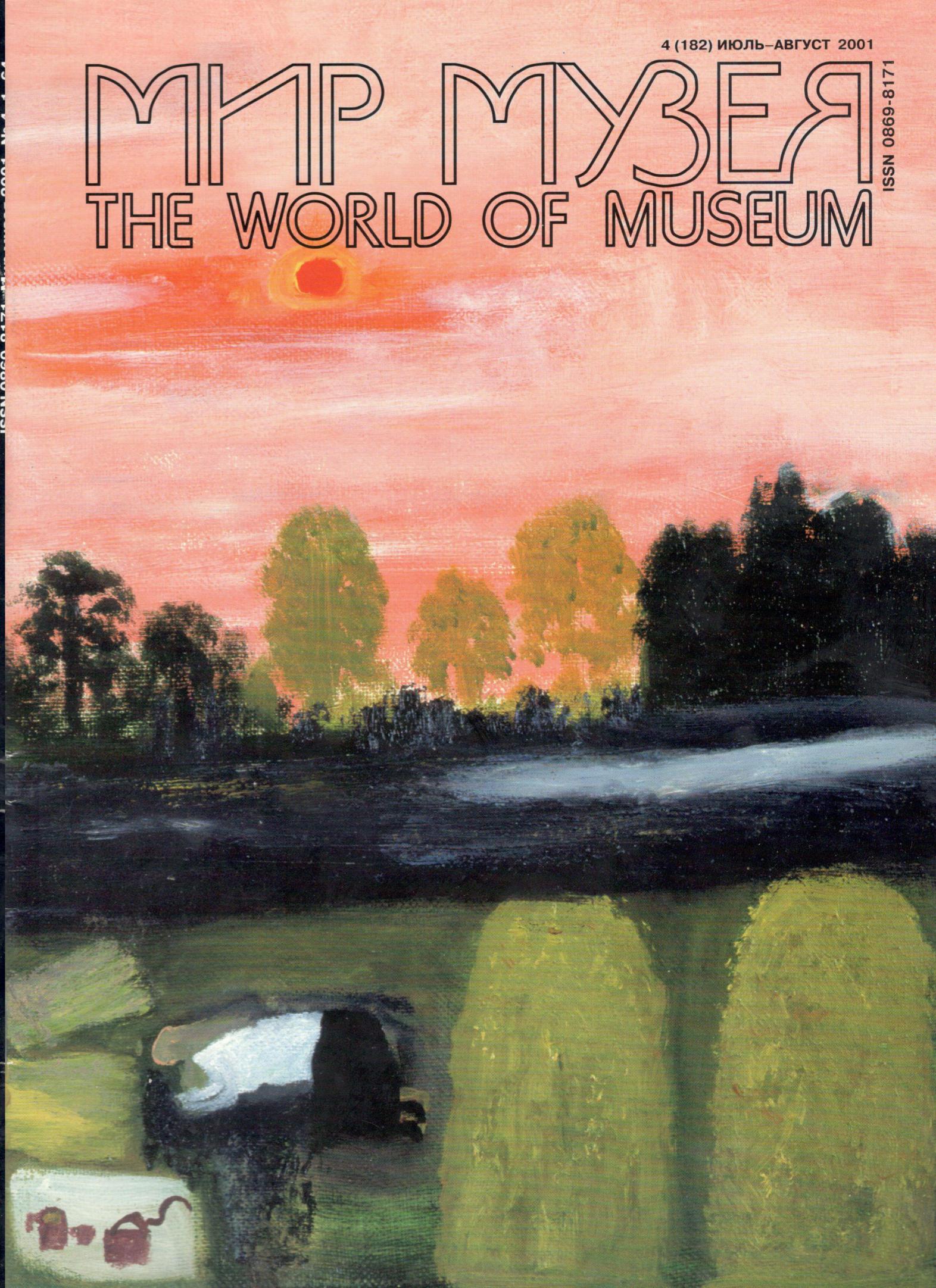

4 (182) ИЮЛЬ–АВГУСТ 2001

МИР МУЗЕЯ

THE WORLD OF MUSEUM

ISSN 0869-8171

Жнея благодарит

Быть в Москве музею В.А. Мороза!

Единственное в мире собрание картин русских народных художников (самородков из народа) зарегистрировано правительством г. Москвы в 1993 г. под названием Музей русской народной живописи (собрание В.А. Мороза).

Опыт показывает, что концептуально, по собранию, по коллекционеру музей уже созрел.

Народная живопись, конечно, была всегда. Высшее, что она дала мировой культуре, это – иконопись (XV–XVI вв.) Другая ее ветвь уходила в уранство крестьянского дома: в роспись бытовой утвари, предметов крестьянской мебели, вплоть до украшения живописью внутренних и наружных стен жилища. Существовало также искусство крепостных художников, которое, несмотря на характерные черты, свойственные провинции, все-таки основывалось на подражании образцам, принятым и модным в столицах, т.е. не было явлением самостоятельным.

Смею сказать, что русская народная живопись, собранная музеем, представляет собой совершенно новое явление, имеющее самоценный характер. Оно среди производимой во всем мире коммерческой продукции в сфере искусства (от «академического» ее вида или «салонного» до «модернистического») как свежий ветер или как первородный очищающий источник! Искусство народных художников снимает бельмо с глаз зрителя, учит видеть,

что есть искусство, а что нет. В этом его важнейшая просвещивающая роль: очищение душ, сердец и сознания людей. Такое искусство нужно называть истинным.

Истинный художник – тот, кто не обучен дурному, а именно таковы художники из народа, которые потому начинают рисовать, что так они выражают свое отношение к Творцу, пристодушно «соревнуясь» с Богом в творении. Бог для них существует – вот их отношение. Это отношение отличает истинного художника.

Народный художник, но настоящий – ведь все же можно сделать «коммерцией» – первооткрыватель. Главное свойство его искусства, что оно для самого художника является открытием, т.е. оно для него самого так же неожиданно, как и для того человека, который смотрит на его картины как на явление, никогда не бывшее.

Каждый настоящий «наивный» художник – авангардист. Потому что он впервые открывает форму, до того не бывшую.

Так что «наивное» искусство надо бы перестать называть наивным или примитивным. Я бы назвал такое искусство независимым в самом высоком смысле этого слова, а творящих его – независимыми художниками. Они не зависят ни от школы, ни от торжествующих стилей, ни от распространенных модных течений.

Музей имеет предложение из разных стран – отправить его по миру как передвижную выставку, но я этого не хочу. Моя идея в другом и сродни идеи всем известного Третьякова, только на другом основании: не на «академическом» («ученом»), а на «простонародном» («неученом») искусстве дать возможность народу России видеть, какие бескорыстные формы служения может принимать искусство, когда оно творится чистой душой и чистыми помыслами, на какие достижения духовного самовыражения способны выходцы из этого самого народа: открыть ему глаза на самого себя. Толстому принадлежит мысль: «Искусство будущего будет производиться всеми людьми из народа».

Музей русской народной живописи может составить гордость любой столицы Европы и мира, но место его в Москве! Хотя равнение (как на камертон) на образцы чистого, нравственного искусства, представленные в музее, способно принести большую пользу развитию мирового искусства в целом.

Вопрос о передаче собрания народной живописи в дар Москве и выделении под музей отдельного здания поставлен мной в обращении к мэру Ю.М. Лужкову еще в 1997 году.

Толстой в своем трактате «Что такое искусство» говорит: «Художник будущего будет жить обычной жизнью людей, зарабатывая свое существование каким-либо трудом. Плоды же той высшей духовной силы, которая проходит через него, он будет стремиться отдать наибольшему количеству людей, потому что в этой передаче наибольшему количеству людей возникших в нем чувств – его радость и награда. Художник будущего не поймет даже, как может художник, главная радость которого состоит в наибольшем распространении своего произведения, отдавать свои произведения только за известную плату...»

Долгое общение с искусством, собственная работа в нем как художника и многолетний опыт коллекционера выработали во мне отношение, с которым я неизменно подхожу к пространственным модным течений.

Я должен ответить себе: на что я смотрю? За предметом искусства увидеть (распознать), что его вызвало. Какой источник его питает? Доискаться до отправной точки – значит для меня разобраться в художнике и его произведении. Не доискавшись, нельзя ни верно оценить явление, ни правильно назвать его. Не узнаешь, подлинно (истинно ли) оно. «Открыть» художника – значит открыть, что им движет.

Мой взгляд на искусство тети Любры (так просила называть себя Любовь Михайловна Майкова) сложился совершенно определенно. Искусство тети Любры – это детское в человеке. «Детский рисунок» при 90-летней жизни за плечами. Детст-

землю-матушку

вом, углубившимся в ее жизнь, сохранилась чистота ее жизни, а потому и искусства.

Искусство тети Любры, что называется, «ни на что не похоже». Его невозможно определить существующими критериями искусства, за них стоит трудовая жизнь и служение не музам, а людям. Искусство тети Любры требует, чтобы его определяли критериями самой жизни. Это честное искусство есть следствие честно прожитой жизни.

Какое искусство тети Любры? Не продажное! Какая живопись тети Любры? Неопосредованная (тем, что зовется искусством, культурой). Она не знает искусства, не интересуется и не руководствуется им. И пишет картины не для того, чтобы «внести свой вклад» в искусство или найти в нем свое место, а чтобы открыть свою душу – что в ней. Лучшее, что один человек может открыть другому. Глядя на картины тети Любры, мы видим душу ее создателя и видим, что ее наполняет любовь.

Вот именно это надо подчеркнуть – что точка отсчета не «классика» и не «авангард», а рисунок ребенка – как бескорыстие бессознательное, и взрослая жизнь человека (самой Любови Михайловны) – как бескорыстие сознательное.

Вот что определяет ее искусство.

Мы смотрим на картину, а видим – душу. Такое искусство должно называться душевным, раз нам открывается душа человека, создавшего его. Картина (истинная картина) – всегда картина души. Картина – изображение души. При такой постановке вопроса важнее становится не «картина», а «душа». Какая душа – такая и картина. Искусство тети Любры обращает каждого к ее и к своей душе.

В связи с этим надо сказать еще несколько слов мировоззренческого характера с тем, чтобы наиболее полно раскрыть свою точку зрения на искусство Майковой.

Истинное искусство возникает как выражение истинного чувства и истинного сознания, или, что то же, как проявление истинной жизни человека. Живя должно, нельзя сделать истинного.

Произведение искусства, хочет того его создатель или нет, как и поведение человека, хочет он того или нет, всегда покажут: каким чувством и каким сознанием они вызваны, из какой жизни – истинной или ложной (любовной или нелюбовной) явились.

По тому, как воспринимается неопосредованное, бескорыстное искусство, можно видеть, живо ли в людях истинное чувство – Любовь.

Оказывается – живо! Во всех! Смотрящие на картины тети Любры обнаруживают в себе и в другом это чувство и объединяются в нем. Вот такое искусство (чудо искусства), превращающее души людей и устанавливающее, что нет ни одной из них, в которой бы не жила любовь, следуя называть искусством Истинным.

Искусство тети Любры возникло из веры тети Любры. Вера же тети Любры – это вера в любовь (вера народа). Искусство тети Любры – народное.

Народное искусство не «примитивно», а истинно.

Чтобы такое искусство могло быть, нужно чтобы соединились: во-первых, трудовая жизнь (добытие хлеба всяким трудом, но не искусством), во-вторых, разумная жизнь (семенем на земле, крестьянская, а не безумная, семенем на камнях, городская, какую мы живем).

Любовь Михайловну Майкову можно назвать художником будущего в том значении, как говорит об этом Толстой.

Познакомился я с тетей Любой так.

Летом 1984 года я жил на Волге. Уединился в деревенском доме на полгода и приводил в порядок свои дневники прошлых лет... И все-таки настал такой день в это лето, когда моя размеренная тихая жизнь была нарушена: один местный житель сказал, что хочет повести меня к своей давней знакомой, очень любимой им крестьянке. «Ей надо помочь. Купите что-нибудь из собранного ее руками. Если вы купите у нее соленые грибы, помогите ей материально...»

Сначала мы ехали разбитым проселком до пристани «Белый го-

родок», потом катером до причала «Селищи».

Войдя в дом, я залибовался. Крайне скромное жилище было ухожено глазом художника. Я называю это «эстетическим порядком» (самое обыденное, непрятательное, даже убогое, любовным отношением к нему волшебно преображается). Взгляд мой проковали стены, на которых висели небольшие картины, некоторые в рамках, под стеклом, другие – просто приколотые булавками: «это я просто природу изобразила», «это домик моего отца», «это двор курочек», «это отдык задумчивых решений», «это венчальная пара на прогулке», «это дом вдовы солдата, прощай». Я почувствовал, что передо мной художник. Чистый, с детской душой.

Когда я спросил тетю Любку, не отдаст ли она на каких-то условиях понравившиеся мне картины, она только спросила, зачем они мне. Я сказал: «Чтобы люди видели». – «Тогда бери». Деньги тетя Любка взяла только за грибы – слышать ничего не хотела о плате за картины. «Смотри рассердись», – грозила пальцем и топала ногой.

Я был отпущен («Ангел мой... ангел мой...») с двумя ведрами грибов, половиной (около 30) гуашей и мыслию, что я сделаю все для тети Любры, чтобы она не остановилась в своем новом деле: привезу для нее все, что прежде всего нужно художнику, где бы он ни жил. Она же, видя мое замешательство, сказала: «Ничего, привезешь что-нибудь – вот мне молоко сухое надо, сахар – только не песок, а чтобы щипчиками копоть, чай. Только чего не надо – не вези, не прими».

Следующие несколько дней, перебирая отанные мне тетей Любой гуаши, ставя их по очереди под стекло, показывая своим близким, я все больше убеждался, что вижу работы истинно народного, что в первую очередь означает самостоятельный, художника. Позже один художник сказал: «Оказывается, настоящие аристократы – это крестьяне».

Меня стала мучить мысль: почему я попросил не все, а только полу-

вину гуашей. Во-первых, они могут пропасть по случайности, во-вторых, так же легко, как мне, тетя Люба отдаст их другим, и тогда, возможно, никто не сможет увидеть их все вместе. Я увязал несколько грунтованных холстов на подрамниках, которые взял в деревню для своей работы, собрал кисти, льняное масло, растворители, лаки и двинулся к тете Любе.

Я не давал ей никаких наставлений, не объяснял, чем и как пользоваться. Ей как будто все было известно.

Чтобы не вызывать ее гнева, я, наученный первой встречей, не стал предлагать плату за оставшиеся гуашь, которые, конечно же, она охотно мне отдала, но незаметно для нее положил деньги на потолочную стенку шкафа, а ей сказал об этом уже за калиткой (мол, оставил на жизнь).

Дальше? Привозил холсты, краски, время от времени кисти...

Осеню завез ей машину дров на зиму. Принять их, не расплатившись, она наотрез отказалась: «Я этого не люблю».

Иной раз она забрасывала меня «ругательными» письмами – чего не еду забирать картины, мешают ей жить, то юбкой за них зацепится, то платком, в избу войти нельзя, урон ей нанес: не могла москвичку пустить на лето, все холстами завешено, жить не только двоим, одной нельзя.

Так и выходило. Приезжал за 10–15 холстами написанными, а ей привозил 10–15 чистых. За все наши встречи только раз или два она спросила меня: «Что нехорошо, скажи, ангел мой, может, что не так». Любой совет я считал неуместным (и этот обет не вмешиваясь в ее работу считаю своей главной заслугой). Бил родник, на который можно было только зачарованно смотреть...

В связи с этим не могу не сказать, что, как всегда при чем-то хорошем, бескорыстном, нашлись и здесь соблазнители – люди, не понимающие истоков истинного творчества, которое является нам Майкова, и стали ее сбивать: мол, надо продавать картины как можно дороже. Получите за них много денег – сможете и работнику себе нанять: чтобы дрова колол, за водой ходил. И это совет крестьянке! Прожившей жизнь в труде и сохранившей благодаря этому в чистоте тот «родник», из которого так щедро изливалось ее искусство.

Искусство тети Любы и традиционно, и уникально. Как я уже сказал, она народный художник, то есть не обученный дурному. Традиционность народного искусства в том, что оно выражается ясным, по-детски простым языком, кратко, открыто и вместе с тем говорит о самом важном в жизни. Традиционность

его еще и в том, что оно скорописно (скорописью отмечено все народное, живописно-прикладное искусство, включая и позднюю иконопись). Уникальность же ее творчества в том, что народное искусство обычно почти целиком уходит в роспись, в резьбу, вышивку, игрушку, а у Майковой оно вылилось в картину, так называемую станковую живопись, которую она создавала сначала водяными красками на бумаге, потом масляными – на холсте и картоне.

Своего рода визитной карточкой искусства Майковой может быть картина «Жнея благодарит землю-матушку. Земной поклон. Поклонимся до земли». Вот как описывает ее наш искусствовед В.В. Пацюков:

«Сюжет картины прост и лаконичен. Завершив работу, жнея благодарно припала к земле, как дочь припадает к матери, одновременно ища у нее поддержки и защиты. Ее светлая рубашка легко и свободно рифмуется с белой скатертю, на которой скромно расположилась корзина с серпом и туесок с едой. Багровое солнце, соединяющее в себе вечное и мимолетное, величавое спокойствие и напряженную экспрессию, взирает с небес на эту ритуальную сцену. И как ни огромно небо, и ни просторно поле, и ни высок лес, соединяющий небо с землей, человеческая фигурка не теряется в пространстве произведения, не обращается в деталь, оживляющую панораму. Здесь все естественно и определено самим органическим миром, в котором родился и живет человек. Любовь Майкова словно выращивает свою картину. Фактура живописи раскрывает процесс этого труда, равносильного труду крестьянина, который развертывается перед нами по мере того, как наш взгляд скользит от плана к плану – от перевязанных спонов и склонившейся жницы до знойного палящего солнца.

Сочетание чистых цветов, взятых во всей их силе, вихреобразное движение кисти, придающее форме предметов и мерцанию фактуры спиралеобразные ритмы, волнообразные ломаные контуры, образующие границы цветовых зон – все это придает композиции значение картины-излияния, исповеди. Ее колеблющееся марево источает огромную духовную энергию художницы. Это взгляд на мир горящей неутоленной любовью души, особое состояние, которое Ван Гог определил: «быть пораженным бессмертием». Ведь в этом яростном цветении природы звучит победная сила неувядаемой плодородной земли, в этих ударах красок, сияющих голубоватой близкой, вылепивших трогательную фигурку человека, вспоившего эту землю, ощущаешь невыразимое очарование и бесконечность бытия, которые присущи всему живому».

Тетя Люба
Любовь Михайловна Майкова
(1899–1998)

Родилась 5 марта 1899 года в деревне Брюханово в крестьянской семье. До 1930 г. жила при погосте Благовещение (отец в старости – церковный сторож). В 26 лет выходит замуж за Анатолия Майкова (трагически погиб в 1933 году в год рождения сына Анатолия). Вдовствует пять с половиной лет. Второй муж – Лебедев Николай Васильевич пропал без вести в начале войны. В 1942 году бежит с двумя детьми, девятыми и четырех лет (второй ребенок вскоре умер) из-под Ржева и поселяется в деревне Плещково, а осенью 1942-го – в деревне Селищи, где жила крестьянским трудом (в разное время работала курьером в сельсовете, почтальоном). Впервые пробует рисовать в 84 года. Первые гуашь создает в 1983 году. Первые работы маслом – в 1895 году, первая выставка в 1896-м (Москва, Волхонка-13). Далее более десятка выставок в Москве и других городах России. Умерла 23 марта 1998 года в Кимрском доме-интернате для престарелых.

Майкова Л.М.
ЖНЕЯ БЛАГОДАРИТ
ЗЕМЛЮ-МАТУШКУ. 1986.
Масло. 60 x 80.

На стр. 39

Майкова Л.М.
ДОМ МАЙКОВОЙ
ЛЮБОВИ МИХАЙЛОВНЫ.
1985.
Картон, масло. 49,6 x 70,5.
Фрагмент

Майкова Л.М.
ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ.
ТЫ МОЯ ЖИЗНЬ БЕССМЕРТНАЯ. 1985.
Картина, масло. 49,6 x 70,5

Майкова Л.М.
ПОГИБШИЕ
ПОД СМОЛЕНСКОМ.
ВОИННАМ РУКУ ПОДАЕТ МАТЬ. 1986.
Картон, масло. 60 x 80

Майкова Л.М.
ВОЗДВИЖЕНИЕ ГОСПОДА
(МОЛИТВА).
Холст, масло. 80 x 100